

ПОМОРСКІЯ РУКОПИСИ, ИХЪ МИНИАТЮРЫ И ОРНАМЕНТАЦІЯ.

Изученіе художественныхъ произведеній, особенно въ области христіанскаго искусства, приводитъ изслѣдователя къ несомнѣнному выводу, что многое, недоступное по своей смѣлости искусству съ болѣе или менѣе совершенными техническими средствами, легко достигалось искусствомъ первобытнымъ, зачаточнымъ. Чуждое какихъ-либо стѣсненій въ образномъ выраженіи своихъ идей, оно легко отрѣшалось отъ всякихъ техническихъ условій изящнаго, которыя могли бы задержать смѣлый полетъ наивной фантазіи художника, и, руководимое глубокимъ чувствомъ народнаго пониманія, охотно прибѣгало къ помощи символовъ, создавая иногда образы загадочные и даже чудовищные до гениальности.

Символическая форма представленія, усвоенная древне-христіанскимъ искусствомъ и господствовавшая въ Византіи, оказала преемственно большое вліяніе и въ искусствѣ древне-русскомъ. Прослѣдить это вліяніе можно даже по тѣмъ немногочисленнымъ художественнымъ образцамъ, какіе уцѣлѣли у насъ отъ древности въ видѣ миниатюръ, украшающихъ ветхія страницы нашихъ рукописей, иконъ и остатковъ стѣнной церковной живописи.

Такимъ же цѣннымъ въ указанномъ смыслѣ матеріаломъ являются такъ называемыя *поморскія* лицевыя рукописи, относящіяся къ періоду позднѣйшему, но носящія на себѣ черты, свойственныя древне-русскому искусству, и, что еще дороже, скрашенные часто проявленіями народной фантазіи, на ряду съ сохранными ими древними эпическими мотивами.

Почеркъ текста, особенно же миниатюры и орнаментация возглавій, заставокъ и прописныхъ буквъ, отличающіеся, быть можетъ, и не строгой, но своеобразной, гармонически связующей ихъ стилизаціей, младенчески-невинная, цѣломудренная, озаренная свѣтомъ вѣры „лѣпота“ святыхъ изображеній, наконецъ, общность мотива въ орнаментѣ, не всегда самобытномъ, но полномъ какой-то „радостной“, „писаной“ красоты,—все говоритъ за то, что поморскія рукописи являются произведеніями какъ бы особой художественной школы, создавшей подъ вліяніемъ совершенно особыхъ условій быта и религіозныхъ воззрѣній.

Совершенно естественно и послѣдовательно возникаетъ вопросъ: какая же это была школа, когда и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ она образовалась?

Отвѣтитъ на этотъ вопросъ—это совершить небольшую экскурсію въ область тѣхъ религіозныхъ и общественныхъ соотношеній, какія явились на Руси послѣдствіемъ иноземнаго вліянія во второй половинѣ XVII вѣка, затѣмъ совершонной Никономъ церковно-обрядовой реформы и, наконецъ, болѣе всего—позднѣйшихъ петровскихъ новшествъ.

Въ древней Руси, въ XV—XVI столѣт., церковь являлась главною, господствующею силою всей общественной жизни. Всюду, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго строя, преобладали церковные элементы, и эта, если можно такъ выразиться, общественная церковность являлась основой народности, или, какъ тогда называли, „прироженемъ“.

Русскій народъ сжился съ такимъ укладомъ и не допускалъ въ немъ никакихъ новшествъ и измѣненій. Жизнь шла въ старыхъ формахъ, чуждая какихъ-либо вліяній извнѣ, нерушимая въ своемъ привычномъ застоѣ...

Немудрено поэтому, что, когда въ XVII вѣкѣ стали замѣчаться, хотя бы и незначительныя вначалѣ, уклоненія отъ стараго бытового строя, со стороны благочестивыхъ людей раздались жалобы, что „пришла бѣда и скорбь, и гибель роду христіанскому: отлучився вѣры православныя, возлюбивъ слабую и прелестную, и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру и позавидѣхомъ ихъ инновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая... А Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычай вѣрнымъ человѣкомъ взирати и завидѣти, понеже Богу мерзко беззаконное шитье ихъ и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ“*.

Такое безпокойство почувствовалъ православный человѣкъ при одномъ намекѣ на возможность переменъ его исконнаго долгополаго одѣянія на „богомерзкое беззаконное шитье“... А въ Москвѣ въ это время (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) иные изъ бояръ уже носили платье, кафтаны и шапки, иноземнаго покроя, а другіе дошли даже до того, что стали, по примѣру иностранцевъ, брить себѣ бороды и стричь волосы. Въ довершеніе всего, кое-гдѣ стало распространяться „проклятое и бѣсовское быліе“ табакъ—и, о ужасъ!—одно время даже разрѣшалась торговля имъ!

Всѣ эти, повидимому незначительныя, факты принимались народомъ, какъ грозныя предвѣстники „погибели“, того переворота, который долженъ былъ не въ далекомъ буду-

щемъ совершиться и измѣнить весь старій укладъ русской жизни. А тутъ еще духовенство и самъ престарѣлый святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Руси, съ сердечною болью взирая на всѣ эти новшества, предостерегали народъ отъ чужестранныхъ обычаевъ. „Въ коейждо странѣ свой обычай,—писалъ патріархъ Іосифъ въ своемъ окружномъ поученіи,—не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ“. Къ этому недовольству присоединялась еще всеобщая, давно нараставшая тягота жизни, вызванная безурядицей гражданскаго устройства, потерявшаго старій патріархальный характеръ и переходившаго понемногу къ бюрократической олигархіи.

И вотъ при такомъ-то народномъ настроеніи, подъ звуки жалобныхъ возгласовъ народныхъ массъ, скорбѣвшихъ о „порухѣ“ своего „прироженья“, патріархъ Никонъ началъ свое исправленіе и, по его мнѣнію, благоустройство внѣшняго чина и порядка русской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ...

Этимъ, по убѣжденію большей части тогдашняго духовенства и народныхъ массъ, онъ посягнулъ на нерушимую святыню—православную вѣру. И это въ то время, когда люди были твердо убѣждены, что наша церковная старина непогрѣшима и неизмѣнна ни въ чемъ „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи ни убавить, не прибавить ни единого слова не должно и что православнымъ должно умирать за едину букву „азъ“...

Тогда, не стерпѣвъ „порухи“ своей народной вѣры, ревнители нашей старины, соединявшіе ее въ своихъ представленіяхъ неразрывно съ основнымъ началомъ нашей народности, во что бы то ни стало порѣшили сохранить ее во всей неприкосновенности. Не успѣвъ въ этомъ и будучи подавлены силою, они отпали отъ церкви, по ихъ убѣжденію, подвергшейся искаженію въ своихъ обрядахъ; въ своей же средѣ удержали и древній обрядъ, и неисправленныя книги и всѣ церковные обычаи старины.

Царствованіе Петра усилило еще болѣе всеобщее возмущеніе и недовольство. Въ своемъ стремленіи къ преобразованіямъ онъ доходилъ часто до крайностей, до печальныхъ злоупотребленій, уничтожая все старое и даже многое изъ того, что было тѣсно связано съ древнимъ духомъ русской христіанской вѣры, и вводя въ жизнь новое, иноземное, противное древне-церковному русскому благочестію. Многіе христіанскіе обычаи русскаго народа уничтожались и измѣ-

*) „Сборникъ“ соловецкой бібліотеки.

нялись насильственно по иноземнымъ идеямъ, защитники же древняго благочестія и бытовой старины подвергались свирѣпымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ.

Тогда, видя, что рушится весь старо-русскій строй жизни, благочестивые ревнители народной вѣры и старины возгласили, что настало время Антихриста, что лукавый „змій“ воцарился на землѣ, и пошли въ далекія, глухія дебри лѣсовъ и пустынь. Они уходили тысячами, унося съ собою древне-православный обрядъ во всей его чистотѣ, драгоценныя, неисправленныя отеческія книги и рукописи, завѣты и обычаи старины. Ожесточаемые гоненіями, въ мѣстахъ своего убѣжища они съ необычайною, самоотверженною энергіею проповѣдывали „старую вѣру“ отцовъ, привлекая къ себѣ все болѣе и болѣе adeptовъ.

Въ олонекскихъ и архангельскихъ лѣсахъ, въ недоступныхъ дебряхъ обонежскаго и заонежскаго поморья, въ поморьѣ Бѣломъ, въ печальныхъ „студеныхъ“ лесахъ архангельскихъ, холмогорскихъ и кандалакшскихъ стали возникать скиты и общины, откуда, подобно „трубамъ златокорваннымъ“, раздавались голоса проповѣдниковъ. Ярko засіяли на темномъ фонѣ безвременья имена такихъ учителей старовѣрья, какъ бывший епископъ Коломенскій Павелъ, сосланный въ Палеостровскій монастырь, какъ Соловецкіе выходцы, иноки Елифаній, Савватій, Германъ, Юсифъ Сухой, діаконъ Игнатій и др., проповѣдывавшіе въ Олонекской области.

Сюда же, въ заонежское поморье, въ 1694 году, пришелъ съ своими товарищами бывший дьячокъ Шумскаго погоста Данило Викулинъ. Избравъ „красное“ мѣсто на берегу рѣки Выга, онъ поселился здѣсь и основалъ скитъ, извѣстный подъ именемъ Данилова *поморскаго* Выгорѣцкаго, ставшій вскорѣ средоточіемъ безпоповщинскаго старообрядчества.

Особеннаго процвѣтанія достигъ Даниловскій скитъ послѣ того какъ въ него поступилъ съ отцомъ, матерью, братьями и сестрами представитель одной изъ знатнѣйшихъ старо-русскихъ семействъ, 17-лѣтній князь Андрей Діонисіевичъ Мышецкій. Ему, вмѣстѣ съ братомъ его Семеномъ, суждено было стать могущественною опорой древляго благочестія, гордостью и славою правой вѣры. Не прошло и десяти лѣтъ со времени основанія скита, какъ въ немъ уже стало тѣсно отъ притока вѣрныхъ. Тогда, по рѣкамъ Выгу, Лексѣ и другимъ рѣкамъ и озерамъ стало основываться множество другихъ скитовъ, державшихся даниловскаго ученія. При нихъ, конечно, устраивались моленныя и часовни. Чтобы дать понятіе о томъ, съ какой быстротой и съ какимъ усилі-

емъ разрасталась старообрядческая община, достаточно сказать, что уже къ половинѣ XVIII вѣка Выгорѣцкій монастырь содержалъ на собственный счетъ до 2000 мужчинъ и болѣе 2000 женщинъ.

Сознавая, что однимъ изъ могучихъ средствъ привлеченія сторонниковъ древней вѣры является, наряду съ храненіемъ чистоты и неизмѣнности церковныхъ обычаевъ и ритуала, благолѣпіе внѣшней обстановки богослуженій, учителя старовѣрья не жалѣли никакихъ жертвъ и трудовъ для достиженія этой цѣли. Неофиты, входя въ старообрядческій монастырь, часовню, моленную въ какомъ-либо богатомъ скиту, расположенномъ гдѣ-нибудь въ глуши, среди дремучаго лѣса, поражались необыкновеннымъ великолѣпіемъ обстановки. Они видѣли множество иноковъ, чинно одѣтыхъ въ древнее монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, старцевъ, покрытыхъ сѣдинами, привѣтливыхъ, ласково разговорчивыхъ... При входѣ въ часовню или моленную во время богослуженія, особенно всенароднаго, чувство благоговѣнія обнимало всякаго: предъ нимъ открывался богатый иконостасъ, украшенный древними драгоценными иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни зажженныхъ свѣчъ сіяли, „какъ лице Божіе“... Въ алтарѣ наставникъ служилъ смиренно, стройно и степенно; на клиросахъ по десяти, по двадцати, а иногда и болѣе пѣвцовъ чинно, тихо, большею частію протяжно-заунывно пѣли церковныя пѣснопѣнія по старинному столповому напѣву; сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, всѣ съ четками въ рукахъ. Чтецы читали не спѣшно, внятно, благоговѣнно. Служба совершалась по Юсифовскому уставу „безъ малѣйшаго опущенія“... *)

Итакъ, однимъ изъ подсобныхъ средствъ пропаганды древле-отеческой вѣры были сознательно выдвигаемые съ этою цѣлью элементы внѣшней красоты. Прекрасно сознавая всю привлекательную силу, все вліяніе красоты на народныя массы, умный отъ природы, начитанный въ Писаніи и по своему времени весьма образованный, Андрей Діонисіевичъ, въ заботахъ о сосредоточеніи въ старообрядческихъ общинахъ образцовъ стариннаго книжнаго и вообще церковнаго искусства, съ которыхъ могли бы воспроизводиться вновь священныя книги и предметы церковной обстановки,—старательно собиралъ по всей Россіи, посредствомъ покупки, обмѣна и чрезъ подарки древнія рукописи, иконы, кресты, напѣвныя евангелія, утварь.

*) А. Щановъ. „Русскій расколъ старообрядства“.

На Выгу въ то же время была устроена школа искусныхъ „писателей“ для списыванія и распространенія книгъ, школа гравцовъ для снабженія ими часовенъ и моленныхъ, школа иконописцевъ для изготовленія иконъ по древнимъ истовымъ подлинникамъ и образцамъ.

Обучившіеся въ этихъ школахъ искусники расходились во всѣ стороны поморья и разносили съ собою въ повомъ воспроизведеніи образцы древне-русскаго искусства. Разумѣется, субъективное чувство, „свое“ пониманіе красоты, способность творчества увлекала многихъ изъ нихъ, и они допускали внесеніе новыхъ элементовъ при воспроизведеніи этихъ образцовъ, но основные мотивы, хотя бы въ воспроизведеніи иконъ и миниатюръ въ лицевыхъ рукописныхъ книгахъ, оставались неприкосновенными со всею чистотою древнихъ традицій. Въмѣстѣ съ тѣмъ возникала новая полемическая литература, составлялись и переписывались такъ называемыя „бесѣдныя“ книги для благочестиваго услажденія досуга вѣрныхъ сыновъ церкви. Здѣсь уже возможенъ былъ большій просторъ для народнаго художника, онъ уже не былъ связанъ тѣсными рамками условности старинныхъ подлинниковъ и образцовъ. Возникла цѣлая масса такъ называемыхъ „поморскихъ листовъ“, или картинъ, отвлекавшихъ вѣрныхъ отъ украшенія своихъ жилищъ распространенными въ XVII и XVIII вѣкахъ печестивыми изображеніями „фряжскихъ листовъ“.

Но съ свободой въ трактовкѣ сюжетовъ, рѣже въ символизациі тѣхъ или иныхъ представленій, въ мотивахъ орнамента у сѣверныхъ художниковъ-поморцевъ сохранились общія основы создавшей ихъ школы, одинъ общій, проникающій ихъ произведенія стиль.

Этотъ-то стиль мы и рѣшаемся назвать особой „поморской школой“.

Насколько отвѣчали народному вкусу и пониманію живописныя и иконописныя произведенія этой школы, лучше всего доказываетъ ея живучесть. Мастера-иконописцы, миниатюристы и писатели существуютъ въ Поморьѣ и донныѣ. Между прочимъ это доказывается прилагаемыми нами здѣсь снимками изъ нотной, поморскаго письма, „Азбуки“, относящейся къ 70-мъ годамъ минушаго столѣтія.

Лицевыя поморскія рукописи, сравнительно съ рукописями болѣе древними, довольно многочисленны и встрѣчаются не только въ большинствѣ собраній, но и у частныхъ лицъ, а также почти во всѣхъ моленныхъ и часовняхъ поморскаго согласія. По содержанию онѣ чрезвычайно разнообразны. Кромѣ богослужебныхъ книгъ нотныхъ: „Обихода“, „Три-

оди“ цвѣтной и нотной, „Октая“, или „Осьмогласника“, „Трезвона“ и др., иллюминированныхъ только расписанными золотомъ и красками заставками, возглавіями и буквами, а также напрестольныхъ „Евангелій“ съ изображеніями евангелистовъ, „Апостола“ и проч., встрѣчается множество такъ называемыхъ книгъ „бесѣдныхъ“ съ многочисленными лицевыми изображеніями и еще того болѣе—полемическихъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ знаменитыя „Поморскіе отвѣты на вопросы іеромонаха Неофита“.

Большимъ распространеніемъ и любовью во всей старообрядческой средѣ пользуется лицевой толковый „Апокалипсисъ“. Впрочемъ, хорошіе, богато расписанные и притомъ старинные списки этой книги встрѣчаются не часто*).

Прилагаемые здѣсь снимки лицевыхъ изображеній, заставка и возглавій исполнены съ одного изъ такихъ именно списковъ „Апокалипсиса“, in fol., относящагося къ началу XVIII вѣка, эпохѣ расцвѣта поморскаго искусства.

Нечего, кажется, и упоминать, что лицевыя изображенія оригинала всѣ писаны красками и отличаются въ большей своей части пріятной, благородной, отнюдь не кричащей яркостью тоновъ. Рисунокъ, какъ въ томъ можно убѣдиться по прилагаемымъ снимкамъ съ миниатюръ, примитивенъ, но тонокъ и правиленъ. Нѣкоторыя отдѣльныя фигуры поражаютъ своей экспрессивностью. Мотивъ орнамента въ заставкахъ и возглавныхъ буквахъ почти вездѣ одинъ, но въ разнообразныхъ комбинаціяхъ. То же можно сказать и о концевыхъ украшенияхъ.

Что касается снимковъ изъ нотной „Триоди цвѣтной“, то они исполнены съ одной изъ рѣдчайшихъ и красивѣйшихъ по богатству орнаментаціи рукописей, когда-либо выходившихъ изъ кельи поморскаго писателя-художника. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на снимокъ съ титульнаго листа и заглавной заставки этой книги. Здѣсь мотивъ орнамента хотя и напоминаетъ заставки „Апокалипсиса“, но тоньше по разработкѣ, а въ оригиналѣ и несравнимо красивѣе по краскамъ.

При сравненіи всѣхъ прилагаемыхъ снимковъ съ поморскихъ рукописей легко убѣдиться, что, при разнообразіи орнаментаціи, всѣ онѣ связаны одна съ другой общностью стиля, художественнаго приѣма, а это даетъ право на заключеніе о происхожденіи ихъ изъ одной художественной школы. Даже почеркъ полуустава, каждая его буква, четкая, „истоваго“ письма, подтверждаетъ такое заключеніе. При

*) Мы говоримъ здѣсь только о поморскихъ спискахъ.

этомъ чрезвычайно любопытно, что и позднѣйшая или, лучше сказать, новѣйшая (1870-хъ годовъ) *поморская* рукописная нотная „Азбука“ носитъ совершенно тѣ же черты и писана тѣмъ же характернымъ, свойственнымъ только поморскимъ рукописямъ полууставомъ, какъ книги („Трїодь“, „Апокалипсисъ“), происхожденіе которыхъ относится къ началу XVIII вѣка. Въ то же время миниатюры и полууставное письмо лицевого „Житія св. Іоанна Богослова“, два снимка съ которыхъ здѣсь прилагаются, не имѣютъ ничего общаго ни съ одной изъ помянутыхъ выше рукописей, несмотря на то, что „Житіе“ по происхожденію относится ко времени, болѣе близкому къ нашимъ спискамъ

„Трїоди“ и „Апокалипсиса“, чѣмъ нотная „Азбука“,—именно къ половинѣ XVIII вѣка. Миниатюры въ „Житіи“ довольно тонки, но рисунокъ совершенно иного характера, точно такъ же какъ и полууставъ, который рѣзко отличается отъ письма поморскихъ рукописей: онъ болѣе сбивчивъ и менѣе правиленъ, въ немъ нѣтъ той красивой и тонкой стройности, какая является отличительной чертой поморскаго письма. И не мудрено,—скажемъ мы въ заключеніе: рукописное лицевое „Житіе св. Іоанна Богослова“ писано однимъ изъ писателей-трудолюбцевъ на Шаготи, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Ярославской губ.

Е. О.

